

ФАКТОРЫ И БАРЬЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ

Батаева Е. В.,
*доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры социологии
Харьковского гуманитарного университета
«Народная украинская академия»*

Попова О. А.,
*аспирант кафедры социологии
Харьковского гуманитарного университета
«Народная украинская академия»*

В статье представлен комплексный анализ факторов и барьеров социальной адаптации вынужденных мигрантов в украинском обществе; проанализированы современные социологические концепции социальной адаптации и интеграции мигрантов. Сделан вывод, что успешность социальной адаптации вынужденных мигрантов зависит от наличия объективных и субъективных условий, способствующих их интеграции в локальное сообщество.

У статті представлений комплексний аналіз чинників і бар'єрів соціальної адаптації вимушених мігрантів в українському суспільстві; проаналізовані сучасні соціологічні концепції соціальної адаптації та інтеграції мігрантів. Сформульовано висновок, що успішність соціальної адаптації вимушених мігрантів залежить від наявності об'єктивних і суб'єктивних умов, що сприяють їх інтеграції в локальне співтовариство.

The article presents a comprehensive analysis of the factors and barriers to social adaptation of reluctant migrants in Ukrainian society. Modern sociological concepts of social adaptation and integration of migrants are analyzed. It is concluded that success of social adaptation of reluctant migrants depends on availability of objective and subjective conditions that contribute to their integration into local community.

Ключевые слова: социальная адаптация, интеграция, принимающее общество, подающее общество, вынужденные мигранты.

Постановка проблемы. Изучение проблем социальной адаптации¹ вынужденных мигрантов² в украинском обществе актуализировалось в связи с вооруженным конфликтом на Донбассе, повлекшим за собой волну миграции из этого региона. Проблеме социальной адаптации мигрантов посвящено большое количество теоретических и прикладных исследований, которые первыми начали проводить представители Чикагской школы социологии Л. Вирт, Х. Дункан, Р. Парк, У. Томас и Ф. Знанецкий. Значительное внимание в современной социологии миграции уделяется исследованию детерминант и барьеров социальной адаптации, анализ которых представлен в работах А. Гамбергера, Д. Берри, Р. Борхиса, В. Боссвика, Д. Джименеза, Д. Манчини, Л. С. Муасе, С. Перро, А. Портеса, С. Сенекалья, Ф. Хекмана, Г. Эссера; А. Алексеенок, О. Балакиревой, Е. Блиновой, В. Гриценко, Л. Корель, А. Кирилловой, З. Лепшковой, Н. Мاستиковой, В. Мукомеля, Ю. Сороки, И. Титар, Н. Шульги и др. Однако комплексного анализа позитивных и негативных факторов социальной адаптации вынужденных мигрантов в отечественной социологии проведено еще не было.

Цель статьи – систематизировать социологическую информацию о социальных факторах и барьерах интеграции вынужденных мигрантов, что может способствовать разработке социальных проектов по оптимизации социальной ситуации вынужденных мигрантов.

---

¹ В статье будем использовать модифицированное определение социальной адаптации Л. Корель: социальная адаптация – это процесс и результат приспособления личности, социальной группы, организации либо общества к внутренним и внешним изменениям в общественной жизни [1, с. 39].

² Под вынужденной миграцией будем понимать «миграционные потоки, причиной которых является угроза жизни или благосостоянию людей вследствие природных, техногенных или политических (например, войны и межнациональные конфликты) причин [2, с. 42].

Изложение основного материала. В концепции аккультурации Д. Берри [3, с. 380] представлены четыре модификации социальной адаптации – маргинализация, сепаратизация, ассимиляция и интеграция, причем интеграция расценивается как лучшая форма приспособления к новым социальным условиям. Особенностью интеграции является одновременное признание важности как собственной культуры мигрантов, так и культуры принимающего общества, как необходимости поддерживать уникальность и оригинальность ценностной системы своего сообщества, так и важности устанавливать множественные связи с принимающим сообществом и участвовать в его жизнедеятельности. В концепции Д. Берри четырем стратегиям адаптации сопоставляются четыре макропозиции, в которых проявляется отношение доминирующей социальной группы к недоминантным акторам. Так, стратегия интеграции соотносится с системой мультикультурализма (основными особенностями которой являются признание культурного многообразия, низкий уровень этноцентризма, расизма или дискриминации, защита прав и свобод всех проживающих на территории конкретной страны этнокультурных групп), стратегия ассимиляции – с моделью «плавильного котла» (в котором разнообразные этнокультурные группы перемешиваются, унифицируются, утрачивая своеобразие и культурную уникальность), стратегия сепаратизации – с сегрегацией (искусственным отделением недоминантных групп от доминирующего большинства как враждебных и чуждых), стратегия маргинализации – с исключением/экслюзией конкретной группы из контекста доминирующей культуры, что, как правило, иницируется доминирующей группой [3, с. 381]. По мнению Д. Берри, наиболее результативной и эффективной является стратегия интеграции и связанный с ней мультикультурализм, наименее эффективной – стратегии маргинализации и исключения/экслюзии группы из пространства доминантной культуры³.

Развивая идеи Д. Берри, Р. Борхис, Л.С. Муасе, С. Перро и С. Сенекаль предложили «интерактивную модель аккультурации» (Interactive Acculturation Model), в которой рассматриваются различные динамические контексты соответствия или несоответствия между макро- и микропоказателями социальной адаптации мигрантов [4]. Контексты соответствия исследователи назвали консенсусными (к ним относятся ситуации, в которых общество как система и отдельные личности/группы придерживаются совместимых аккультурационных ориентаций; к примеру, доминирующее сообщество поддерживает стратегию интеграции мигрантов, которые, в свою очередь, также выбирают эту модель адаптации). Если принимающее общество и мигранты поддерживают противоположные стратегии, то такие контексты исследователи называют проблематичными (к примеру, мигранты настроены на интеграцию в принимающее сообщество, тогда как последнее склоняется к их ассимиляции). Если принятые на макро- и микроуровнях стратегии аккультурации находятся в противоречии, то это порождает конфликтные ситуации либо срыв взаимодействия (например, если принимающее общество пытается ассимилировать мигрантов, которые, напротив, пытаются сепаратизироваться и создать автономный этнокультурный анклав). Наихудшим сценарием развития взаимоотношений между принимающим сообществом и мигрантами является выбор ими стратегий экслюзии (на макроуровне) и маргинализации (на микроуровне), поскольку в данном случае исчезает возможность их взаимодействия и формируются «параллельные миры», в которых они сосуществуют независимо друг от друга [5]. Социальная экслюзия проявляется в нетолерантном отношении к мигрантам, неуважении к их культуре, массовом нежелании видеть их членами своего общества, а в пределе – в политике депортации мигрантов на родину [4, р. 383].

Г. Эссер в динамике социальной интеграции личности/группы выделил несколько измерений: аккультурация, размещение (placement), взаимодействие (interaction) и идентификация [6]. Аккультурация (или культурная интеграция) – это процесс приобретения актором знаний, культурных стандартов и компетенций, необходимых для успешного функционирования в обществе. Размещение (или структурная интеграция) означает, что человек находит свое место в обществе и обретает права в образовательном или экономическом контексте, в профессиональной или гражданской сфере. Взаимодействие (или интерактивная интеграция) предполагает установление дружеских, романтических или брачных отношений с другими людьми, обретение членства в социальных группах. И, наконец, идентификация (или идентификационная интеграция) – это результат отождествления человека с социальной системой в целом или отдельными группами.

По мнению В. Боссвика (W. Bosswick) и Ф. Хекмана (F. Heckmann) [7], культурная интеграция (аккультурация) приводит к когнитивным и поведенческим изменениям личности, особенностью которых является возникновение гибридных формообразований – билингвизма (знание иммигрантами родного языка и языка принимающей общины) и бикультурализма (понимание своей и новой культуры). Структурная интеграция означает наличие доступа у мигрантов к основным институтам

³ Стратегии ассимиляции и сепарации располагаются посередине шкалы социальной эффективности. Д. Берри объясняет это тем, что «интеграция содержит две положительные ориентации, маргинализация – две отрицательные, в то время как ассимиляция и сепарация включают одну положительную и одну отрицательную взаимосвязь. <...> Те, кто следует по пути интеграции и доводит ее до конца, оказываются лучше адаптированными, чем те, кто маргинализирован. В свою очередь, стратегии ассимиляции и сепарации ассоциируются с результатами промежуточной адаптации» [3, с. 396–399].

принимающего общества – рынку труда, системе образования и повышения квалификации, жилищной системе, учреждениям здравоохранения (что в большей степени достижимо в урбанизированных контекстах). Структурная интеграция становится возможной в случае обретения мигрантами политического гражданства и официального признания их прав. *Интерактивная* интеграция означает включенность иммигрантов в социальные, дружеские сети принимающего общества, а также обретение членства в добровольных организациях. И, наконец, *идентификационная* интеграция связана с формированием у мигрантов чувства принадлежности к принимающему обществу. Идентификационная интеграция может быть осуществлена не только на макро- или мезоуровнях (к примеру, идентификация с украинским обществом в целом или с отдельным регионом страны), но и на микроуровне вовлеченности в конкретные социальные группы (к примеру, мигрант может идентифицировать себя с местной религиозной общиной и интегрироваться в нее, сохраняя дистанцию по отношению к другим институтам принимающего общества), поэтому В. Боссвик и Ф. Хекман используют понятие *сегментированной* интеграции (по аналогии с понятием «сегментированной ассимиляции» А. Портеса и М. Зоу [8]).

Представим комплексный анализ факторов и барьеров социальной интеграции как оптимальной адаптационной стратегии вынужденных мигрантов.

К факторам социальной адаптации вынужденных мигрантов можно отнести следующие объективные и субъективные характеристики:

1. *Релевантность социокультурных систем подающего и принимающего обществ* (А. Шютц), которая проявляется в сходстве языкового, религиозного, культурного, ментального, исторического контекстов существования мигранта до и после переселения. В данном случае можно говорить об отсутствии (или незначительном проявлении) «культурной дистанции» или «культурного конфликта» [9] между подающим и принимающим обществами. Применительно к украинской ситуации можно предположить, что вынужденные мигранты из Донбасса, переселившиеся в восточные регионы страны, которые в социокультурном отношении незначительно отличаются от культурного контекста покинутой родины (в повседневной жизни используется русский язык, доминантной религией является православие, а историческое прошлое релевантно истории Донбасса), попадают в условия, способствующие их социальной интеграции.

2. *Социоэкономический фактор*, включающий в себя наличие жилья (общественного, арендованного или собственного), «конвертируемой» или востребованной на новом месте жительства специальности, работы и доходов, позволяющих мигрантам чувствовать себя финансово защищенными и независимыми⁴.

3. *Длительность пребывания* в принимающем/локальном обществе (темпоральный показатель). По мнению В. Мукомеля, «длительность пребывания на новом месте жительства (соответственно, накопленный социальный, культурный и материальный опыт), являются определяющими факторами успешности адаптации представителей мигрантских меньшинств» [10, с. 152]. Чем дольше мигранты находятся в социокультурных условиях принимающего общества, тем более привычным для них становится образ жизни окружающих людей, тем с большей вероятностью они смогут со временем ощутить себя «на своем месте». По данным мониторинга Международной организации по миграции (июнь 2018 г.), более 62% вынужденных мигрантов из Донбасса и Крыма находятся на новом месте жительства более трех лет. Только 28% выразили желание вернуться на старое место жительства после завершения конфликта [12, с. 7].

4. *Получение статуса вынужденных переселенцев, местной прописки и гражданства*, которое «имеет как важное символическое (признание человека «своим»), так и еще более важное практическое значение: наличие городской прописки – это условие легального трудоустройства и получения социальных льгот» [13]. Обретение мигрантами гражданства или официального статуса вынужденно перемещенного лица (ВПЛ) усиливает чувство принадлежности принимающему сообществу и открывает возможность участвовать в различных организациях, общественных структурах и, как следствие, оказывать влияние на происходящее.

С другой стороны, специфику внутренней вынужденной миграции в Украине можно заметить в том, что, хотя официальный статус внутренне перемещенного лица предоставляет определенные финансовые льготы, одновременно он усиливает отчужденность мигрантов от принимающего сообщества и вызывает у многих из них чувство униженности. Кроме того, этот статус лишает мигрантов некоторых гражданских прав, таких как избирательное право или право на свободное передвижение, что не может способствовать их социальной адаптации. Тем не менее, по данным мониторинга, про-

⁴ По результатам исследования «Оценка потребностей внутренне перемещенных женщин и пожилых людей в Украине», проведенного Украинским институтом социальных исследований им. Александра Яременко в 2015 г. (N = 867), 67% респондентов сообщили о том, что им трудно найти жилье, которое они могут самостоятельно оплатить. О проблемах, связанных с оплатой коммунальных услуг и арендной платой за жилье, сообщили, соответственно, 52% и 58% опрошенных [11]. Только 42% вынужденных мигрантов имеют работу, среди которых только 70% заняты на постоянном рабочем месте. При этом заработная плата является основным источником доходов только для 54% домохозяйств вынужденных мигрантов [12, с. 22].

веденного Международной организацией по миграции [12, с. 9], около 95% вынужденных мигрантов уже получили статус внутренне перемещенного лица.

5. *Гражданское/политическое участие* (участие в местных и национальных выборах, в деятельности политических партий и профсоюзов, публичных акциях и демонстрациях, в местных советах и волонтерских организациях), которое усиливает чувство принадлежности мигранта принимающему сообществу. Уровень гражданской активности мигрантов целесообразно оценивать не только по факту реального участия, но и по желанию мигрантов участвовать в общественной жизни страны. К примеру, по данным исследования 2017 г. [14], в выборах Президента Украины участвовали 8,5% вынужденных переселенцев, в выборах в Верховную Раду – 6,3%, в местных выборах 2015 г. – 3,9%. При этом, по словам мигрантов, они не участвовали в этих выборах по причине отсутствия такой возможности (38%, 40,9% и 41,6% соответственно). В восточных областях Украины процент желавших участвовать в выборах, но не имевших такой возможности, оказался еще более значительным (62,5%, 66,8% и 67% соответственно)⁵.

6. *Вовлеченность в религиозные практики* принимающего общества [15; 16]. Посещение церкви, участие в таинствах, включенность в жизнь церковной общины, чтение духовной литературы, молитва могут оказать значительную помощь верующим мигрантам в процессе адаптации к новым условиям жизни. Вера в Бога является мощным жизнеутверждающим фактором, который может помочь мигрантам почувствовать себя увереннее, принять жизненную ситуацию, в которую они попали и, как следствие, найти в себе силы справиться с трудностями адаптации. Как показали результаты исследования А. Кирилловой, религиозная активность «имеет прямую корреляцию с желанием стать «своими» на новом месте жительства и обратную – с чувством общности со страной исхода» [16, с. 126].

7. *Дисперсное проживание* мигрантов среди населения принимающего общества способствует установлению множественных связей с доминирующей группой, что положительно влияет на их социальную и структурную интеграцию. Дисперсное проживание способствует снятию чувства изолированности и отчужденности от окружающих, помогает мигрантам почувствовать себя «своими» в локальном сообществе. Как показывают результаты исследований, дисперсно проживающие мигранты психологически увереннее себя чувствуют и, как следствие, быстрее справляются со сложностями адаптации по сравнению с компактно проживающими переселенцами⁶.

8. *Позитивное отношение к мигрантам со стороны новой референтной группы* или, словами Д. Манчини, положительная «позиция принимающего общества» [9]. Как полагает Н. Мاستикова, чем более богатым и экономически успешным является общество, тем более терпимым оно будет по отношению к мигрантам [17, с. 101]. Помимо экономического, следует добавить политический параметр толерантности: чем более политически стабильным является общество, тем мягче оно будет реагировать на миграционные процессы; чем выше политическая культура представителей принимающего общества, тем корректнее будет поведение его представителей по отношению к мигрантам. По результатам международных исследований, более богатые и политически стабильные государства демонстрируют более высокий уровень толерантности по отношению к мигрантам⁷. Помимо фактора экономической и политической стабильности, важное значение имеет общий уровень доверия в стране: чем более доверительным является общество, тем менее оно враждебно по отношению к мигрантам [17, с. 107; 19].

Отношение принимающего общества к мигрантам может быть неоднородным в различных регионах страны, в связи с чем можно говорить о более привлекательных и менее привлекательных для мигрантов «зонах притяжения». К примеру, по результатам мониторинга 2015 г., более 71% вынужденных мигрантов из Крыма и зоны вооруженного конфликта на Донбассе ощущали хорошее отношение к себе со стороны окружающих, 22,3% – нейтральное и только 6,5% – плохое [11, с. 63]. При этом наилучшее отношение со стороны принимающей общины ощущали мигранты в центральных областях Украины (более 88%), а наихудшее – в западных (более 24%).

9. *Урбанизированный контекст адаптации* (пространственный показатель)⁸. «Интеграция мигрантов в принимающее общество в слабоурбанизированной среде идет существенно медлен-

⁵ Несмотря на созданную для мигрантов (более сложную, чем для других жителей Украины) процедуру голосования, в выборах Президента Украины и депутатов парламента в 2019 г. собираются участвовать 41% вынужденных мигрантов; 58% вынужденных мигрантов хотели бы участвовать в выборах в местные органы власти, если бы им была предоставлена такая возможность [12, с. 53].

⁶ Дисперсно проживающие мигранты «более удовлетворены профессиональной деятельностью, жилищными и материальными условиями, отношениями с коренными жителями, а также более оптимистично оценивают жизненную ситуацию; они обладают такими личностными характеристиками, как готовность к сотрудничеству, эмоциональная устойчивость, самостоятельность, высокий самоконтроль, интернальный локус контроля. Выраженность у мигрантов этих качеств будет в большей степени способствовать, нежели препятствовать успешной адаптации в новых жизненных и социокультурных условиях» [18, с. 139].

⁷ «Наименьший уровень межэтнической напряженности наблюдается в странах Скандинавии: в Швеции, Исландии, Норвегии и Швейцарии» [17, с. 103].

⁸ «Вынужденные переселенцы чаще выбирают городские поселения, чем сельские. Существенным препятствием являются экономические возможности сельских районов, которые практически не имеют потенциала трудоустройства и получения соответствующей заработной платы» [11].

нее, нежели в урбанизированной» [10, с. 152]⁹, что, по мнению социологов, может быть связано с более высоким уровнем нетерпимости сельского населения по отношению к «чужакам»¹⁰, а также с той ситуацией, что в городе у мигрантов больше возможностей для поиска работы и «обретения своего места в новом окружении» [18, с. 129].

10. *Социально-демографические характеристики*, такие как возраст, пол, образование, наличие/отсутствие семьи, оказывают значительное влияние на процесс социальной адаптации/интеграции вынужденных мигрантов. Более быстрой адаптации способствуют: средне-молодой возраст (пожилым гораздо труднее приспособиться к новым условиям жизни [18, с. 123]); наличие средне-специального или высшего образования (что связано с наличием профессиональных навыков, позволяющих найти работу на новом месте жительства и, как следствие, интегрироваться в принимающее сообщество [17, с. 104]); наличие семьи, поддерживающей и стимулирующей поиск вариантов социально-экономической интеграции [11]. Мужчины быстрее адаптируются, а женщины дольше переживают привязанность к прежнему месту жительства, что мешает им психологически настроиться на необходимость приспособления к новым условиям жизни¹¹ [21].

Способствуют социальной адаптации межгрупповые или смешанные браки между представителями принимающего общества и мигрантами, что, в свою очередь, влияет на развитие их чувства принадлежности принимающему обществу. Негативно влияет на процесс социальной адаптации мигрантов «разорванность семьи» (часть близких родственников осталась на предыдущем месте жительства, часть мигрировала). Семья будет стремиться к воссоединению и есть вероятность, что это произойдет на родине мигрантов. То есть факт разорванности семьи может настраивать мигрантов на возвращение домой и не будет стимулировать адаптационную активность.

11. *Добровольный выбор нового места жительства* (что отчасти возможно даже в случае вынужденной миграции, поскольку всегда остается возможность оказать предпочтение конкретному вектору перемещения – определенному региону/стране) [9]. Если мигрант переезжает в город/село, которому всегда симпатизировал, в котором бывал прежде и может в нем ориентироваться, то ему будет легче привыкнуть к новому месту проживания.

Проанализируем содержание наиболее часто рассматриваемых в специальной литературе социальных барьеров (или ингибиторов) адаптации/интеграции мигрантов, сдерживающих ее развитие.

1. *Наличие «культурного конфликта» между подающим и принимающим обществами*, который, по мнению Д. Манчини, проявляется в высокой степени различий в их формах культуры (язык, религия, историческое прошлое), что неизбежно будет тормозить процесс адаптации вынужденных мигрантов [9]. Наиболее серьезным препятствием на пути социальной адаптации вынужденных мигрантов является незнание языка принимающего общества [6], что может повлечь за собой трудности в сфере трудоустройства, быта и повседневного коммуницирования. А. Гамбергер (А. Hamberger) выделила несколько факторов, влияющих на процесс овладения языком принимающего общества: 1) длительность пребывания в новом обществе (чем дольше, тем совершеннее овладение языком); 2) образование мигрантов (чем выше, тем быстрее происходит обучение новому языку); 3) возраст (чем старше человек, тем сложнее ему выучить новый язык); 4) лингвистическая дистанция между языками подающего и принимающего обществ (если родной и новый языки принадлежат к различным языковым группам, сложнее будет овладеть новым языком); 5) географическая дистанция между ними (чем большее пространство разделяет родное и вновь обретенное место жительства, тем дольше длится обучение новому языку) [22]. Важное значение имеет знакомство с языком до переезда, однако в случае вынужденной миграции, которая чаще всего оказывается внезапной и неожиданной, этот фактор может отсутствовать.

Применительно к украинской ситуации можно предположить, что вынужденные мигранты из Донбасса, переселившиеся в западноукраинские регионы, могут испытать определенные трудности в процессе социальной адаптации, причиной которых окажется социокультурная (языковая, религиозная, ментальная, историческая) дистанция между подающим и принимающим обществами. Что касается языковой дистанции, то в данном случае ее следует признать незначительной, поскольку, во-первых, русский и украинский языки принадлежат к общей восточнославянской языковой группе, во-вторых, «экспозиция языка» или знакомство с ним посредством массмедиа и системы образования осуществлялось и до переезда в течение длительного времени; географическое расстояние между Донбассом и западной Украиной также нельзя назвать значительным.

⁹ «Внутренне перемещенные лица, проживающие в населенных пунктах области, в большей степени хотят вернуться домой по сравнению с теми внутренне перемещенными лицами, которые проживают в Харькове» [20].

¹⁰ «Самый высокий уровень межэтнической напряженности наблюдается в сельской местности, а также в небольших городах» [17, с. 104]. «Наличие стремления к внутригрупповой консолидации переселенцев в сельской местности при отсутствии стремления к консолидации с новым окружением свидетельствует об отчужденном и в определенной степени изолированном друг от друга существовании переселенческой и принимающей общин» [18, с. 133].

¹¹ По результатам исследования В. Гриценко, женщины более остро переживают кризис личностной и социальной идентичности в условиях изменившейся социально-культурной реальности, что может мешать им психологически принять новый образ жизни [18, с. 120]. Хотя с другой стороны, женщины «в большей степени, нежели мужчины, ориентируются на себя, свои внутренние установки и силы, руководствуются ценностями самоактуализации, что должно оказывать положительное влияние на эффективность их адаптации» [18, с. 122]. Эти особенности социальной адаптации женщины необходимо иметь в виду, учитывая тот факт, что женщины доминируют среди вынужденных мигрантов [11].

2. *Отсутствие собственного жилья, работы и стабильных доходов*; существование за счет государственных пособий, которых, как правило, не хватает для обеспечения мигрантских семей всем необходимым для жизни (для покупки одежды, хороших продуктов питания, лекарств, отдыха)¹². Отсутствие финансово-экономической уверенности в собственной социальной позиции может повлечь за собой срыв или значительную задержку социальной адаптации вынужденных мигрантов.

3. *Пространственная сегрегация или компактное проживание мигрантов*, чаще всего в бедных или экологически неблагополучных районах на краю города [11; 18]. Как показывают результаты социологических исследований, компактность проживания в большей степени коррелирует с желанием мигрантов вернуться на родину, что свидетельствует об их меньшей интегрированности в принимающее общество, нежели в случае мигрантов, проживающих дисперсно: «Вынужденно перемещенные лица, компактно проживающие, в большей мере стремятся вернуться домой (54%) по сравнению с мигрантами, которые проживают в квартирах или домах (37%)» [20].

4. *Враждебное отношение со стороны принимающего общества*. Если принимающее общество негативно относится к мигрантам как к неблагополучной социальной группе, которая создает множественные проблемы и подпитывает социальную напряженность, то мигрантам будет сложно интегрироваться в локальное сообщество¹³. В данном контексте необходимо учитывать основные идеи «интерактивной модели аккультурации» Р. Борхиса, Л. С. Муасе, С. Перро и С. Сенекеля, в которой речь идет о ситуациях конкорданса (согласования моделей аккультурации принимающего сообщества и мигрантов) и дискорданса (несоответствия этих моделей) [4, р. 383]. Дискорданс имеет место в том случае, если, к примеру, мигранты нацелены на успешную адаптацию и интеграцию в принимающее общество, тогда как доминантная референтная группа пытается сегрегировать или изолировать их как структурных маргиналов. В этом случае социальная позиция мигрантов будет очень шаткой, лишенной поддержки, что повлечет за собой ретардацию процесса приспособления к новым жизненным условиям.

В. Мукомель подчеркивает различие между враждебными чувствами доминирующего большинства и социальными акциями, в которых эти чувства проявляются, – различие между фобиями и дискриминацией как фактическим поведением, нацеленным на ущемление прав недоминантных групп [10, с. 153]. Если враждебное отношение принимающего общества перерастает в дискриминационные практики на рынке труда, в повседневной жизни, в сфере потребления, найма жилья или социальных услуг, то это может повлечь за собой срыв социальной интеграции мигрантов и последующую их изоляцию¹⁴ [10, с. 154; 21, р. 382].

Н. Мاستикова выявила закономерности враждебного поведения членов принимающего общества по отношению к мигрантам: 1) чем ниже уровень благосостояния в обществе (чем ниже ВВП), тем нетолерантнее общество по отношению к мигрантам (отчасти это объясняется тем, что мигрантов воспринимают как конкурентов, претендующих на общественные блага и рабочие места, которые и так в дефиците); 2) женское население принимающего общества настроено более враждебно по отношению к мигрантам, нежели мужское, что связано с «нарастающей феминизацией миграционных потоков» и, как следствие, возрастанием фемининной конкуренции в сфере занятости [17, с. 104].

5. *Негативная дискурсивность массмедиа*, в которых мигрантов презентуют как неполноценную социальную группу, нуждающуюся в помощи, заслуживающую жалости и общественной помощи [23, р. 126]. Согласно М. Фуко, Н. Фэркло, П. Штомпке и др., дискурсивность одновременно и отражает, и конструирует социальный мир. В массмедийной дискурсивности вербализируются основные социальные тренды, именуются социальные феномены, «определяются ситуации» (У. Томас). В свою очередь, массмедийная дискурсивность участвует в воспроизводстве и переутверждении этих феноменов, транслирует послания о поощряемых обществом моделях поведения/взаимодействия. Под влиянием массмедиа принимающее общество формирует представление о вынужденных мигрантах и усваивает их медийные образы¹⁵. Определяя вынужденных мигрантов как претендующих на социальные ресурсы

¹² «Одним из основных барьеров социальной интеграции мигрантов в новых местах проживания остается ограниченность их возможностей трудоустройства, как следствие, отсутствие стабильного заработка и доступа к сетям поддержки» [11].

¹³ Как показывают результаты социологических исследований, «между внутренне перемещенными лицами и коренным населением соответствующих территорий могут складываться напряженные отношения, которые имеют не только субъективные (нетерпимость к новоприбывшим, психологическое неприятие их культурных отличий от местных норм и традиций и т.п.), но и объективные предпосылки, в частности ограниченность местных ресурсов, не рассчитанных на увеличение численности населения за счет мигрантов» [11].

¹⁴ Согласно результатам исследования «Оценка потребностей внутренне перемещенных женщин и пожилых людей в Украине», проведенного Украинским институтом социальных исследований им. А. Яременко в 2015 г., внутренне перемещенные лица чаще всего сталкивались с предвзятым отношением к себе при поиске работы, дополнительного заработка (10,5% – постоянно, 22% – иногда сталкивались с этим), при решении жилищных проблем (поиск/аренда жилья) (6,7% – постоянно, 23,3% – иногда сталкивались с этим), оформлении социальных выплат, субсидий (2,7% – постоянно, 19% – иногда сталкивались с этим) [11].

¹⁵ «Главным источником формирования образа мигранта выступают средства массовой информации, поскольку в реальности с переселенцами непосредственно контактировал только каждый пятый гражданин страны. Понимая особенности транслирования информации украинскими средствами массовой информации, можно говорить о достаточно субъективном создании образа внутренне перемещенных лиц в сознании принимающего населения» [24, с. 107].

общества, массмедиа косвенно влияют на формирование по отношению к ним презрительного и недоброжелательного отношения со стороны тех «своих», которые также надеются на социальную помощь¹⁶.

Медийная дискурсивность может программировать аудиторию на негативное восприятие проблем вынужденной миграции посредством использования специфической терминологии, имеющей негативные коннотаты. К примеру, в дискурс-исследовании английской прессы было выявлено, что по отношению к миграции и мигрантам часто используют понятия, которые в массовом сознании ассоциируются со стихийным бедствием (наводнение мигрантов, волна миграции, поток мигрантов), которые подспудно настраивают людей на восприятие этого явления как катастрофы, приносящей государству огромный материальный ущерб [25].

5. *Вынужденность/недобровольность переселения* [9]. В случае вынужденной миграции (недобровольность которой отражена в самом названии) этот фактор оказывается очень влиятельным. Если бы в жизни мигрантов не случились определенные события, которые вынудили их покинуть родное место жительства, они не попали бы в ситуацию необходимости приспосабливаться к новым социальным и экономическим условиям жизни, как правило, отличающимся от привычных в худшую сторону. Поэтому для них характерно исходное отторжение и неприятие сложившейся ситуации как критической и нежеланной, что может значительно отсрочить их социальную адаптацию и подпитывать желание вернуться домой. Вынужденность миграции коррелирует с чувством фрустрации, крайне сильным чувством неудовлетворенности своим положением, причиной возникновения которого являются материальные и финансовые потери, утрата работы и социального статуса, психологические сложности, связанные с необходимостью установления контактов с новым социальным окружением.

Выше представлены основные факторы и барьеры социальной адаптации вынужденных мигрантов, которые могут способствовать или препятствовать успешному приспособлению к новым социальным условиям жизни. Знание и учет этих факторов и барьеров может способствовать усовершенствованию отношений между локальным и мигрантским сообществами, а также оптимизации адаптационных практик мигрантов.

Выводы. Успешность социальной адаптации вынужденных мигрантов зависит от наличия объективных и субъективных условий, способствующих их интеграции в локальное сообщество на нескольких уровнях: *культурном* (имеющим своим итогом когнитивные и поведенческие изменения личности), *структурном* (наличие доступа у мигрантов к основным институтам принимающего общества – рынку труда, системе образования и повышения квалификации, жилищной системе, учреждениям здравоохранения), *интерактивном* (включенность иммигрантов в социальные, дружеские сети принимающего общества, а также обретение членства в добровольных организациях) и *идентификационном* (формирование у мигрантов чувства принадлежности к принимающему обществу).

Успешной интеграции мигрантов на этих уровнях могут способствовать следующие факторы: релевантность социокультурных систем подающего и принимающего обществ, длительность пребывания в принимающем обществе, гражданское/политическое участие, вовлеченность в религиозные практики принимающего общества, дисперсное проживание мигрантов, позитивное отношение к мигрантам со стороны новой референтной группы, урбанизированный контекст адаптации.

Препятствовать социальной адаптации вынужденных мигрантов могут следующие барьеры: наличие «культурного конфликта» между подающим и принимающим обществами, отсутствие собственного жилья, работы и стабильных доходов, пространственная сегрегация или компактное проживание мигрантов, враждебное отношение со стороны принимающего общества, негативная дискурсивность массмедиа, недобровольность переселения.

Литература:

1. Корель Л. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
2. Батаева Е., Попова О. Социокультурный капитал вынужденных мигрантов: теория и проблема измерения. Вісник Харківського нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства : методологія, теорія, методи». Вип. 39. С. 41–52.
3. Берри Дж., Пуртинга А.Х., Сигалл М.Х., Дасен П.Р. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков: Гуманитарный Центр, 2007. 560 с.
4. Bourhis R., Moise L., Perreault S. and Senecal S. Towards an Interactive Acculturation Model: A Social Psychological Approach. International journal of psychology. 1997. № 32 (6). PP. 369–386.

---

¹⁶ «Когда государством создаются привилегированные условия для переселенцев – финансовое обеспечение, оказание социально-психологической поддержки, жилье, работа и т.д., то это может неоднозначно влиять на принимающее население. В такой ситуации к различиям в политических взглядах добавляется агрессия, вызванная определенной дискриминацией других граждан» [24, с. 109].

5. Куценко О. До соціальної інтеграції чи до розвитку «паралельних суспільств»? (Порівняльне дослідження міжетнічних взаємодій). Соціологія: теорія, методи, маркетинг. 2008. № 1. С. 140–165.
6. Esser H. Migration, Language and Integration. AKI Research Review 4. Programme on Intercultural Conflicts and Societal Integration (AKI). Social Science Research Center, Berlin, 2006. URL: <https://bibliothek.wzb.eu/pdf/2006/iv06-akibilanz4b.pdf> (дата звернення 26.09.2018).
7. Bosswick W., Heckmann F. Social integration of immigrants: Contribution of local and regional authorities. European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2006. URL: <http://edz.bib.uni-mannheim.de/daten/edz-ma/esl/06/ef0622en.pdf> (дата звернення 20.09.2018).
8. Portes A., Zhou M. The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 530, Interminority Affairs in the U. S.: Pluralism at the Crossroads. 1993. Nov. Pp. 74–96.
9. Mancini B.J. No owner of soil: The concept of marginality revisited on its sixtieth birthday. International review of modern sociology. 1988. Vol 18. № 2. P. 182–204.
10. Мукомель В. Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства. Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. Москва, Центр миграционных исследований, 2007. С. 142–170.
11. Балакірева О. (ред.) Вимушені переселенці та приймаючі громади: уроки для ефективної суспільної адаптації й інтеграції : наукова доповідь. Київ, Ін-т екон. та прогнозув. НАН України. К., 2016. 140 с.
12. Звіт Національної системи моніторингу ситуації з внутрішньо переміщеними особами, 2018. URL: http://iom.org.ua/sites/default/files/nms_round_10_ukr_press.pdf (дата звернення 26.09.2018).
13. Балабанова Е., Бурлуцкая М., Демин А. и др. Маргинальность в современной России: коллективная монография. Москва: Московский общественный научный фонд, 2000. 207 с. URL: <http://biblioteka.org.ua/book.php?id=1120001106&p=0> (дата звернення 26.09.2018).
14. Збираючи пазл: вплив внутрішнього переміщення на права людини та доступ до адміністративних послуг в Україні. Звіт за результатами дослідження. Київ, 2018. 48 с. URL: <http://www.ua.undp.org/content/dam/ukraine/docs/DG/Ombudsman's%20project/IDP-p.pdf> (дата звернення 26.09.2018).
15. Hirschman C. The Role of Religion in the Origins and Adaptation of Immigrant Groups in the United States. IMR, 2004. Vol. 38. № 3. Pp. 1206–1233.
16. Кириллова И. Вовлеченность в религиозные практики как фактор интеграции мигрантов. Социологические исследования. 2016. № 2. С. 119–128.
17. Мاستикова Н. Межэтническая напряженность в России и Европе (по данным ESS на 2012 г.). Социологический журнал, 2016. Т. 22. № 1. С. 95–113.
18. Гриценко В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002. 252 с.
19. Мукомель В.И. Ксенофобия и мигрантофобии в контексте культуры доверия. Мир России. 2014. № 1. С. 137–166.
20. Бондаренко А. Повернутися додому хочуть 64% переселенців Харківщини. 2018. URL: <http://www.mediaport.ua/povernutisya-dodomu-hochut-64-pereselenciv-harkivshchini-bf-pravo-na-zahist> (дата звернення 26.09.2018).
21. Zheng Wu, Schimmele C., Feng Hou. Self-perceived Integration of Immigrants and their Children. Canadian Journal of Sociology, 2012. № 37(4). P. 381–408.
22. Hamberger A. Immigrant Integration: Acculturation and Social Integration. Journal of Identity and Migration Studies. 2009. Vol. 3. № 2. P. 2–21.
23. Soroka J. Hostility towards internal displaced people: researcher contribution to its formation. Вісник ХНУ імені ВН Каразіна. Серія «Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи». Т. 37. Рр. 125–128.
24. Блинова Е. Социальные и личностные факторы отношения принимающего населения к внутренне перемещенным лицам. Электронный научный журнал «Пензенский психологический вестник». 2017. № 1 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-i-lichnostnye-factory-otnosheniya-prinimayuschego-naseleniya-k-vnutrenne-peremeschennym-litsam> (дата звернення 20.09.2018).
25. Castello D. Discursive Representations of Migrants as Victims and Perpetrators in the British Press: A Corpus-Assisted Discourse Analysis. URL: <https://www.birmingham.ac.uk/Documents/college-arts-law/cels/essays/appliedlinguistics/Discursive-Representations-of-Migrants-as-Victims-and-Perpetrators-in-the-British-Press-A-Corpus-Assisted-Discourse-Analysis.pdf> (дата звернення 26.09.2018).